

УДК 316

Девиантология: к вопросу определения концептуальных каркасов теоретических парадигм

Клейберг Юрий Александрович

Доктор психологических наук,
доктор педагогических наук,
профессор,
академик РАН,
президент Международной Ассоциации девиантологов,
Тверской государственной университет,
170100, Российская Федерация, Тверь, ул. Желябова, 33;
e-mail: klab53@rambler.ru

Аннотация

В статье представлен авторский взгляд на проблему определения концептуальных каркасов теоретических парадигм в девиантологии и рассмотрен их методологический потенциал. Анализируются трансгрессивные тенденции, предлагаются пути избегания междисциплинарной схематичности и дисциплинарной обособленности, обеспечивающие целостность изучаемых социальных феноменов. Предложенный автором подход к определению концептуальных каркасов теоретических парадигм в девиантологии, безусловно, не претендует на методологическую завершенность и тем более на истину в последней инстанции, но при творческом теоретическом осмыслении девиантологических проблем он может быть актуализирован и модифицирован нововведениями исследователя. Стоит отметить, что в этом смысле данный подход открыт для эволюционных и революционных дополнений и модификаций концептуальных девиантологических каркасов, изменений научных парадигм, для новых открытий.

Для цитирования в научных исследованиях

Клейберг Ю.А. Девиантология: к вопросу определения концептуальных каркасов теоретических парадигм // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 3А. С. 273-281.

Ключевые слова

Девиантология, девиантное поведение, теоретические парадигмы, концептуальные каркасы, методологический потенциал.

Введение

Ad hoc обратимся к Российской гуманитарной энциклопедии (2002 г.), в которой концептуальный каркас (английское словосочетание – *conceptual framework* от лат. *conceptus* – «понятие, понимание, замысел») характеризуется как понятие научного дискурса, обозначающее общую категориальную систему, в рамках которой осуществляются конкретные научно-познавательные построения и концептуализации [Концептуальный каркас, www].

Помимо термина «концептуальный каркас» (*conceptual framework*), в научных источниках встречаются синонимичные понятия «концептуальная схема» (*conceptual schema*), «языковой каркас» (*language framework*) и «парадигма» (*paradigm*). Последний термин в философию науки был введен позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности научной методологии и широко используется в науках.

Несомненно, теория концептуальных каркасов имеет большое значение в современной теории познания. И это вполне закономерно, так как современная эпоха видоизменилась и приобрела такие основные черты, как социальные потрясения, исключенность значительной части населения от материального благополучия, тотальная маргинализация, криминализация, безработица и преступность, терроризм, геноцид, омницид, существующая угроза демографического кризиса, экологический кризис и надвигающаяся биологическая катастрофа, угрозы ядерного уничтожения, слабость демократии как глобальной социальной ценности и др. Мы привыкли думать, что не существует абсолютной системы координат в пространстве и времени, универсальной моральной и правовой системы, совершенной религии, идеального человека (*homo perfectus*). Нам понятна мысль, что образ мира – это гигантская компьютерная сеть, имеющая не вертикальную, иерархическую, а горизонтальную, «серверную» структуру. Именно такой образ мира большинству людей понятен, ибо они не способны критически и научно оценить масштабы процесса тотальной структуризации, иерархизации, технологизации, «цифрования» и др., чтобы в этом процессе нашлось место для гармоничных взаимоотношений, толерантности, взаимопонимания, ответственности, духовности, взаимопомощи, чтобы, по словам И. Фихте, «установить в этой жизни все свои отношения свободно и сообразно с разумом» [Фихте, 1998, 7].

Однако следует заметить, что разработка теории концептуальных каркасов в парадигмальном поле девиантологии не завершилась, не произошла и смена старых парадигм на новые, зато произошло появление целого «веера» новых научных направлений, оттеснявших, но не вытеснявших полностью ранее господствующую парадигму (политическая девиантология, креативная девиантология, психология девиантного поведения, ювенальная девиантология и др.).

Один из самых влиятельных социологов и философов науки XX в. сэр Карл Раймунд Поппер высказался в пользу рационально-критической дискуссии, которая, по его мнению, была основным двигателем науки на протяжении всей истории ее существования: «Пока наука представляет собой поиск истины, в ней всегда найдется место рациональной, критической дискуссии между сторонниками конкурирующих теорий и рациональному критическому обсуждению революционной теории. В ходе такой дискуссии решается, следует ли говорить о превосходстве новой теории над старой и тем самым можно ли считать новую теорию еще одним шагом по направлению к истине» [Поппер, 1983, 588].

Проблемная ситуация

Совершенно очевидна *проблемная ситуация*: неадекватность (рассогласование, несоответствие) социальных реалий (девиаций, девиантности и криминализации общества, коррупции чиновников во власти), реакции общества на них (социальный контроль) и научного их осмысления (определение концептуальных каркасов девиантологических парадигм). Существующая ситуация, как замечает Я.И. Гилинский, «стимулирует научные исследования социальных девиаций, усиливает их конструктивное изучение» [Гилинский, 2013, 12]. Девиантогенная глобализация современных обществ, рост экономического и социального неравенства между «включенными» («*included*») и «исключенными» («*excluded*») и др. – дополнительный повод для пересмотра и обновления девиантологических парадигм, что является вполне нормальным процессом развития науки. «Вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, как утверждал физик Макс Борн, является главной причиной всех зол на Земле» [Цит. по: Коул, 1986, 55]. Девиантология уже заняла свою «нишу» в ряду гуманитарных наук, стала общей теорией девиаций в физической, биологической, социальной и личностной системах организации мироздания.

Авторский взгляд на проблему определения концептуальных каркасов теоретических парадигм

Целостная концепция девиантологической науки, которую мы пытаемся представить в своих публикациях¹, направлена на то, чтобы осветить современную социальную ситуацию в рамках всеобщей девиантологической научной проблематики. Задача концепции – способствовать осознанию постмодернистской парадигмы, хаосмоса (особое состояние среды; создание нового более сложного порядка, выходящего из хаоса) – «имманентного тождества и целостности космоса и хаоса» (по Ж. Делезу, 1998 г.), идти по следу девиантогенного маркера современной эпохи. Концепция показывает место девиантологии в ней.

Как мы уже отмечали в своих предыдущих работах, девиантологическая наука является своеобразным *социальным куматоидом* (от греч. *kima* – «волна»), реализующим различные социальные проекты и программы на постоянно меняющемся человеческом материале. Девиантология с точки зрения онтологии и эпистемологии выступает сегодня в виде волнообразных форм организации научного познания и образцов продуктов науки. Это и есть то, что конструируется, передается, воспроизводится и развивается в науке за счет механизма

¹ См.: Клейберг Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология // Общество и право. 2015. № 1. С. 262-269; Клейберг Ю.А. Компаративистский анализ девиантологических конструктов // Дискуссионные проблемы социальной психологии. Ульяновск: Зебра, 2018. С. 5-14; Клейберг Ю.А. Концептуализация компаративистского подхода к девиантологическим конструктам // Сборник научных трудов Международной конференции «Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности, состояние и перспективы». М., 2018. С. 144-150; Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. СПб., 2014; Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. М., 2019; Клейберг Ю.А. Основы ювенальной девиантологии. Лондон – М., 2018; Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М., 2017; Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: синтагма, онтология, эпистемология, корреляция с другими науками // Современные проблемы девиантологии: перспективы развития. София, 2017. С. 61-85; Клейберг Ю.А. Ювенальная девиантология. Saarbrücken: Palmarium Publishing, 2012.

новаций, нововведений и принципов дуальности как способ логической организации знаний, базирующихся на представлениях противоположности, выражаемых соответствующими понятиями и категориями [Клейберг, 2017, 10-11].

При ретроспективном взгляде на историю девиантологической науки мы усматриваем три этапа познания: 1) *рационализация* (лат. *rationalitas* – разумность) – поиск смыслов и объяснений даже в тех моментах, когда стоит довериться ситуации, рискнуть или сделать упор на чувствование, которая «является общечеловеческим свойством, появляется с человеком как таковым» [Ясперс, 1991, 99]; 2) *формирование и развитие логики девиантологической науки* – знания, полученные не из чувственного опыта, а из знаний, полученных в результате мыслительной деятельности; 3) *возникновение современной девиантологии как науки*, уходящей своими корнями в далекую историю и приобретшей свой научный статус в начале XX в.

Как отмечает К. Ясперс (1991 г.), для науки присущи три необходимых признака: познавательные методы, достоверность и общезначимость. «Я обладаю научным знанием лишь в том случае, если осознаю *метод*, посредством которого я это знание обретаю, следовательно, могу обосновать его и показать в присущих ему границах. Я обладаю научным знанием лишь в том случае, если *полностью уверен* в достоверности моего знания. Тем самым я обладаю знанием и о недостоверности, вероятности и невероятности. Я обладаю научным знанием лишь тогда, когда это знание *общезначимо*» [Там же, 101]. При этом К. Ясперс, как психолог и философ, указывает на четыре момента, характеризующих современную науку, которые, несомненно, корреспондируют с девиантологической наукой.

1. Современная наука *универсальна* по своему духу. Все происходящее в мире подвергается наблюдению, рассмотрению, исследованию – действия, поступки, деятельность или высказывания людей, их творения и судьбы.
2. Современная наука принципиально *не завершена*. Современная наука, пройдя через все завершающие представления познания, постоянно пересматривает все, начиная с основ. Отсюда и прорыв к новому знанию, и сохранение достигнутого в качестве составной части новых замыслов, планом и идей.
3. Современная наука *ни к чему не относится равнодушно*, для нее все имеет научный интерес. Все, что есть, должно быть познано, его необходимо знать; нет ничего, что можно было бы оставить вне сферы научного внимания и оценки.
4. Современная наука, имеющая свой предмет и метод, стремится «выйти» на *всесторонние связи*. Ей не доступен космос бытия, но доступен космос наук. Идея взаимосвязанности всех наук порождает неудовлетворенность локальным, ограниченным познанием. Современная наука не только универсальна, но стремится к единению наук. Связь между науками устанавливается благодаря их соотношению, их взаимной поддержке посредством своих выводов и методов. Они становятся друг для друга вспомогательными науками. Одна наука становится материалом для другой. Их общая основа – субъективный импульс к *универсальному знанию* [Там же, 101-103].

Если в эпоху модерна человек пытался оставить реальный след в культуре, науке, литературе, т. е. стать значимым для общества, то человек постмодерна стремится стать успешным, используя любые доступные ему способы, в том числе и недозволенные, аморальные и преступные. При этом успешность ассоциируется с обладанием власти,

материальных благ, «нужных» связей, «быть полезным себе». Альтернатива психолога и социолога Э. Фромма «иметь или быть» [Фромм, 1990] сегодня теряет свою актуальность и разрешается в пользу «иметь», причем «все и сразу» (*all at once*). Такой опасный выбор, где доминирует установка только на обладание, может привести человечество к катастрофе. Общество все дальше уходит от своей самобытности, самости, утрачивает национальный стержень, свою культуру, свою идентичность, у него формируется рассудочный, манипулятивный интеллект. «Манипулятивный интеллект, – пишет Э. Фромм, – лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума может оказаться губительным для них. И чем более выдающимся является неконтролируемый манипулятивный интеллект, тем он опаснее» [Там же, 155]. Стремление обладать, «иметь», не прикладывая никаких существенных усилий, всегда проще.

Другое дело – «быть», единственная разумная альтернативная установка, характеризующаяся отказом от эгоизма и эгоцентризма, аутодеструктивных тенденций, а значит, направленная на динамизм созидания и позитивную перспективу, на значимость своих поступков и полезность деятельности и осознанного бытия. Этот путь сложный, трудоемкий, затратный и длительный во времени. Однако именно он указывает личности вектор постоянного развития, совершенствования, творчества, формирования позитивных жизненных перспектив и помогает выстроить трансспективу собственной жизни. Он дает также возможность человеку не стать эскейпером, бегущим от реальности в иллюзорный, виртуальный и параллельный мир, но взглянуть на свою жизнь, деятельность и поступки с любой временной позиции (феномен временной децентрации).

Таким образом, у личности появляется смысл разумной жизни и полезной деятельности, позитивная мотивация, исчезают «смысловой вакуум» (по В. Франклу), выученная беспомощность, аддиктивные проявления, криминальные наклонности, состояние дистресса, социально-психологическая неустойчивость, социальная эксклюзия, т. е. исключенность из системы социальных взаимодействий, дегуманизированный фактор и др. Э. Фромм предупреждал, что «дегуманизированный человек станет настолько безумным, что окажется в конечном счете не в состоянии поддерживать существование жизнеспособного общества, а в скором времени не сможет удержаться от самоубийственного применения ядерного или биологического оружия» [Там же, 205].

Однако следует заметить, что если в предыдущих исторических эпохах ценности общества вырабатывались незаметно, постепенно и осознанно, на протяжении жизни нескольких поколений людей, то сейчас они становятся мобильными, хаотичными, противоречивыми, непонятными, тревожными, поскольку создаются *here and now* теми, кто лично заинтересован в их тиражировании, кто ожидает от них политических и материальных преференций и дивидендов. В современном обществе происходят, по меткому выражению Э. Гидденса, «испарение моральности» (1984 г.) и, по мнению В.В. Лунеева, «гуманизация преступности» (2014 г.), нарастает киберсоциализация человека (*homo cyberus*), появился «человек нового типа» – *homo perfectus* (человек успешный, предприимчивый, совершенный). Для некоторых индивидов наступило «пресыщение свободой» с четким обозначением «опыта-предела» – *transgress* (от лат. *transgressio* – переход за какую-нибудь границу), функцией которого является «вырвать меня у себя самого и не позволять мне быть тем же самым, что я есть... используя трансформацию самого себя через конституирование знания» [Фуко, 1994].

Девиантологическая наука как раз и призвана изучать трансгрессивные тенденции. Она включает в себя, как нам представляется, три важнейших психологических механизма: 1) *осмысление и объяснение (comprehension and explanation)* на основе герменевтического метода (девиантология знаний); 2) *понимание и сравнение (understanding and comparison)* на основе этого понимания (понимающая девиантология); 3) *флуктуационное научение (fluctuation learning)*, от лат. *fluctuation* – нестойкость, колебание) (социализация), создаваемое турбулентной и нестабильной внешней социальной средой и воспроизводимое ею же, появлением спонтанно возникших аттракторов (лидеров, субкультур, социальных сетей и т. п.), оказывающих позитивные и/или деструктивные воздействия на личность, социальную среду и общество в целом.

Однако такой подход имеет неоднозначную линейную структуру двух уровней: *первый уровень* – это внутридисциплинарная компаративистика, которая исследует концепции, подходы и методики внутри самой дисциплины; *второй уровень* – междисциплинарный, который позволяет сопоставить полученные знания не только от смежных дисциплин, но и от появившихся современных нанонаук (речь идет об отделившихся от основополагающей науки новых ветвей специального знания – психологии девиантного поведения, ювенальной девиантологии, политической девиантологии, креативной девиантологии и др.). Взаимопересечение и соединение этих двух уровней способны устранить междисциплинарную схематичность и дисциплинарную обособленность, обеспечив тем самым целостность изучаемых социальных феноменов.

Однако первый уровень – внутридисциплинарная компаративистика (от лат. *comparativus* – сравнительный) – в девиантологии пока еще не прошел этап своей институционализации. Здесь имеются некоторые разногласия. Так, Н.Дж. Смелзер полагает, что сравнительное исследование не является особой разновидностью социальных исследований и что анализ явлений в заведомо непохожих друг на друга сообществах, в особенности в различных обществах или культурах, может быть лишен специфических для него методологических проблем. Объясняется это именно тем, что, согласно Н.Дж. Смелзеру, цели сравнительных и несравнительных исследований идентичны – объяснять социальные явления путем выявления предпосылок и причин вариаций. При такой логике любые технические приемы, позволяющие объяснять социальные отклонения, и есть сравнительный метод. А под данное определение подпадают практически все аналитические методы, используемые в социальных науках [Ragin, 1987, 1-18].

Важно и другое: расширение научных горизонтов, динамичность развития междисциплинарных знаний вызывают к постоянному сравнению и сопоставлению их с уже функционирующими знаниями, а вновь появляющиеся концепции, подходы, гипотезы и методы, претендующие на эвристичность, должны пройти процедуру верификации.

На сегодняшний день существуют три основные точки зрения на проблему парадигмального статуса девиантологии. Ее определяют как: 1) *допарадигмальную девиантологию*; 2) *внепарадигмальную девиантологию*; 3) *мультипарадигмальную девиантологию*. Первая точка зрения ссылается на сравнительно небольшой возраст девиантологической науки. Однако стремительное развитие девиантологии в XX – начале XXI в. свидетельствует о девиантологии как вполне зрелой науке.

Сторонники внепарадигмального статуса девиантологии считают, что девиантология развивается не по парадигмальным «правилам», а через исследовательские программы, научные

школы и направления, которые ориентированы на слияние и интеграцию. В то же время для многих ученых понятие парадигмы оказалось эвристичным, и в современных методологических исследованиях оно встречается часто, правда, уже в трансформированном, отличном от куновского понимания виде. Как отмечает В.А. Мазиллов, одна и та же парадигма может воплощаться, а точнее – порождать разные концепции, ибо основная функция парадигмы как раз и состоит в том, чтобы продуцировать новые концепции [Мазиллов, 2012].

Анализ современных научных источников по девиантологической проблематике свидетельствует о том, что девиантология успешно ассимилировала понятие парадигмы, которое стало ее концептуальным каркасом.

Парадигмы в девиантологии могут быть исследовательскими и практическими (технологическими). Исследовательские парадигмы (гносеологическая, феноменологическая, деятельностная и экзистенциальная) зарождаются на определенной методологической основе. Одна исследовательская парадигма может выступать базисом для целого ряда научных школ и направлений девиантологии.

Заключение

Главная опасность современной ситуации заключается в том, что если вся предшествующая история со всеми ее событиями лишь в незначительной степени затрагивала субстанцию *genus homo*, то теперь как будто сама эта субстанция пришла в «броуновское движение», опасность грозит уже ей самой не только на физическом, но и на ментальном уровне. Как констатирует В. Волков (2007 г.), «разрушается привычное, стабильное, традиционное; неожиданно, стихийно, спонтанно возникает иное, другое, неведомое, неизвестное», изменяется сознание нации, нарастают разрушительные процессы в обществе, его дисгармоничное состояние, дегуманизация, духовное оскудение, нравственная деградация людей.

Предложенный автором подход к определению концептуальных каркасов теоретических парадигм в девиантологии, безусловно, не претендует на методологическую завершенность и тем более на истину в последней инстанции, но при творческом теоретическом осмыслении девиантологических проблем может быть актуализирован и модифицирован нововведениями пытливого исследователя. И в этом смысле данный подход открыт для эволюционных и революционных дополнений и модификаций концептуальных девиантологических каркасов, изменений научных парадигм, для новых открытий.

Библиография

1. Гилинский Я.И. Девиантология. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 634 с.
2. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М.: Юрайт, 2017. 290 с.
3. Концептуальный каркас // Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7133>
4. Коул К. Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество. 1986. № 1.
5. Мазиллов В.А. Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012. С. 57-94.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
7. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи. Минск: Попурри, 1998. 480 с.
8. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 330 с.
9. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. СПб., 1994. С. 111-131.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
11. Ragin C. The comparative method: moving beyond qualities and quantitative strategies. University of California, 1987.

Deviantology: on defining the conceptual frameworks for theoretical paradigms

Yurii A. Klayberg

Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
President of the International Association of Deviantologists,
Tver State University,
170100, 33, Zhelyabova st., Tver, Russian Federation;
e-mail: klab53@rambler.ru

Abstract

The article presents the author's approach to the definition of the conceptual frameworks for theoretical paradigms in deviantology and aims to identify their methodological capacity, paying special attention to different views of scholars on this problem. The author of the article makes an attempt to carry out an analysis of transgressive trends and proposes a number of ways of avoiding interdisciplinary schematism and disciplinary detachment, which ensures the integrity of the studied social phenomena. The article deals with three important psychological mechanisms: 1) explanation and comprehension based on the hermeneutic method (the deviantology knowledge); 2) understanding and comparison on the basis of this understanding (understanding deviantology); 3) fluctuation learning. It also points out that the approach to the definition of the conceptual frameworks of theoretical paradigms in deviantology, proposed by the author, undoubtedly, does not claim to be methodologically complete and does not claim monopoly on the truth, but it can be updated and modified by the innovations of the researcher in the creative theoretical understanding of deviantological problems. The author describes the advantages of this approach, including the fact that it is open to evolutionary and revolutionary amendments and modifications of the conceptual deviantological frameworks, changes in scientific paradigms, as well as to new discoveries.

For citation

Klayberg Yu.A. (2019) Deviantologiya: k voprosu opredeleniya kontseptual'nykh karkasov teoreticheskikh paradigm [Deviantology: on defining the conceptual frameworks for theoretical paradigms]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (3A), pp. 273-281.

Keywords

Deviantology, deviant behaviour, theoretical paradigms, conceptual frameworks, methodological capacity.

References

1. Cole C. (1986) Estestvennost' printsipa dopolnitel'nosti [The naturalness of the principle of complementarity]. *Impakt. Nauka i obshchestvo* [Impact. Science and society], 1.
2. Fichte J.G. (1978) *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters*. Hamburg: Felix Meiner Verlag. (Russ. ed.: Fichte J.G. (1998) *Osnovnye cherty sovremennoi epokhi*. Minsk: Popurri Publ.)

3. Foucault M. (1994) O transgressii [On transgression]. In: *Tanatografiya Erosa* [The thanatography of Eros]. St. Petersburg, pp. 111-131.
4. Fromm E. (1976) *To have or to be?* (Russ. ed.: Fromm E. (1990) *Imet' ili byt'?* Moscow: Progress Publ.)
5. Gilinskii Ya.I. (2013) *Deviantologiya* [Deviantology]. St. Petersburg: Alef-Press Publ.
6. Jaspers K. (1949) *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. (Russ. ed.: Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow: Politizdat Publ.)
7. Kleiberg Yu.A. (2017) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [The psychology of deviant behaviour]. Moscow: Yurait Publ.
8. Kontseptual'nyi karkas [Conceptual framework]. In: *Gumanitarnaya entsiklopediya* [Humanitarian encyclopedia]. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7133> [Accessed 24/03/19].
9. Mazilov V.A. (2012) Paradigmy v psikhologii: ot istorii k sovremennosti [Paradigms in psychology: from history to modernity]. In: *Paradigmy v psikhologii: nauchedcheskii analiz* [Paradigms in psychology: scientific analysis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, pp. 57-94.
10. Popper K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress Publ.
11. Ragin C. (1987) *The comparative method: moving beyond qualities and quantitative strategies*. University of California.